

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-2-67-83

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

М.Я. Яхьяев¹

Введение
Мученичество как религиозный феномен
Предпосылки становления мученичества в исламе
Культ религиозного мученичества
Являются ли террористы-смертники мучениками религии?
Заключение

Поступила в редакцию: 07.04.2022
Передана на рецензию: 17.04.2022
Получена рецензия: 20.05.2022
Принята в номер: 10.06.2022

Феномен мученичества в исламе

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru

Несмотря на значимость феномена «мученичество» как религиозной движущей силы, он остается все еще слабоизученным явлением как в богословии и теологии, так и в академическом религиоведении, и особенно это касается мученичества в исламе. Некритическое перенесение особенностей христианского понимания мученичества на исламскую религию приводит многих исследователей к недопустимому изображению мучеников веры шахидами ислама и, как следствие, к отождествлению мученичества с шахидством, к объявлению каждого, кто принимает мучительную смерть в самых разных жизненных обстоятельствах мучеником джихада, притом однобоко трактуемого еще и как священная война, которую ведут мусульмане против всего остального мира. Наше исследование показывает, что в исламской религии в силу особенностей ее вероучения и конкретно-исторических обстоятельств утверждения и распространения не сложилось восприятие мученичества, подобное христианскому. В ней так и не сформировался культ поклонения святым – мученикам веры. Более того, исламское мученичество по ряду своих характеристик существенно отличается от христианского его понимания, которое утвердилось на протяжении ряда веков, когда христианство было гонимой и преследуемой религией, а ислам за десятилетие с небольшим прошел подобный период и превратился в наступательную религию, требующую от своих последователей не просто пассивного приспособления к обстоятельствам, а активного продвижения по миру ценностей новой религии. В статье также устанавливается принципиальная несовместимость суицидального поведения террористов, объявляемых отдельными исследователями и религиозными авторитетами мучениками веры, с основополагающими ценностями исламской религии.

Ключевые слова: *религия, ислам, мученичество, мученик, шахид, шахидство, джихад, терроризм.*

¹ *Мухтар Яхьяевич Яхьяев* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, ДГУ; orcid.org/0000-0003-2243-7222

DOI: 10.21779/2077-8155-2022-13-2-67-83

UDC 297

Content of the article

Information about the article

*M.Ya. Yakhyayev*²

Introduction.
Martyrdom as a religious phenomenon.
Prerequisites for martyrdom in Islam.
The cult of religious martyrdom.
Are suicide bombers martyrs of religion?
Conclusion.

Received: 07.04.2022
Submitted for review: 17.04.2022
Review received: 20.05.2022
Accepted for publication: 10.06.2022

The Phenomenon of Martyrdom in Islam

Dagestan State University; muchtar59@mail.ru

Despite the importance of martyrdom as a religious driving force, it remains a poorly studied phenomenon both in theology and in academic religious studies, and this is especially true of martyrdom in Islam. The uncritical transfer of Christian understanding of martyrdom to Islam leads many researchers to the depiction of martyrs of faith as martyrs of Islam and, as a result, to declaring everyone who meets a painful death in a variety of life circumstances a martyr of *jihad*, one-sidedly interpreted as a holy war waged by Muslims against the rest of the world. This study shows that, as distinct from Christianity, in the Islamic religion, due to the peculiarities of its doctrine and the specific historical circumstances of its approval and spread, the perception of martyrdom did not develop, and the worship of martyrs does not exist. Moreover, Islamic martyrdom, in a number of its characteristics, differs significantly from the Christian worship of martyrdom established through the centuries when Christianity was a persecuted religion. Islam went through a similar period in a little over a decade and turned into an offensive a religion that requires from its followers not just to passively adapt to circumstances, but to actively promote the values of the new religion around the world. The author also establishes a fundamental incompatibility of the suicidal behavior of terrorists, declared by individual researchers and religious authorities as martyrs of the faith, with the fundamental values of Islamic religion.

Keywords: *religion, Islam, martyrdom, martyr, jihad, terrorism.*

Введение

Религиозное мученичество было и остается одним из загадочных предметов богословского, теологического и религиоведческого дискурса на протяжении всей истории религии. Несмотря на значимость и распространенность этого явления в истории и современности, в религиоведческой науке мученичество до сих пор остается слабоизученной проблемой, многовековое обсуждение которой так и не привело к однозначному пониманию того, чем же по своей сути является религиозное мученичество, какую конкретную функцию в религии оно выполняет, кого можно считать мучеником религии, какие формы жертвенного поведения верующего следует к нему относить и пр. Еще больше безответных вопросов, связанных с культом мученичества, с особенностями его понимания и отправления в разных религиях, с внутриконтрессиональными расхождениями его трактовок и т. д.

Рациональное осмысление религиозного мученичества приобретает все возрастающее значение и в связи с той его политизацией, которая целенаправленно

---

² *Mukhtar Yakhyayevich Yakhyayev* – Doctor of Sc. (Philosophy), professor, head of the Philosophy and Sociocultural-Political Sciences Department, DSU; orcid.org/0000-0003-2243-7222.

осуществляется многими теоретиками современных экстремистских движений. Так, к примеру, в последние десятилетия широкое хождение обрела трактовка исламского мученичества как формы проявления шахидства, которая объясняет и оправдывает суицидальное поведение террористов как проявление именно религиозного мученичества. Но являются ли личности, обвешивающие себя взрывчатыми веществами и совершающие в людных местах террористические акции, уносящие жизни десятков и сотен ни в чем не повинных граждан, мучениками веры? Или же подобные самоубийцы всего лишь невинные жертвы человеконенавистнической пропаганды, люди с разрушенной психикой, зомбированные фанатики? Сегодня нет убедительных разъяснений и по поводу того, существует ли культ мученичества в исламской религии, допустимо ли отождествление мученичества с шахидством и, как следствие этого, представление каждого террориста шахидом ислама и каждого, кто обретает посмертный статус шахида, мучеником религии.

В рамках данной статьи мы попытаемся ответить на эти и смежные с ними вопросы, объяснить многообразие типов религиозного мученичества, осмыслить композицию исламского мученичества, выявить особенности проявления мученического поведения в исламской религии и т. д. При решении этих задач мы будем исходить из того, что мученичество было и остается своеобразной религиозной движущей силой, во многом благодаря которой религия сохраняется и может рассчитывать на достижение актуальных целей.

Мученичество как религиозный феномен

Феномен «мученичество» характерен для многих религий. В истории религии есть масса примеров жертвенного поведения верующей личности во имя своей веры. Только вот авторы, которые проявляют к мученичеству исследовательский интерес, нередко ограничиваются поверхностным рассмотрением отдельных его аспектов и не доходят до развертывания концептуальных характеристик этого многосложного религиозного явления. Затрагивая мученичество в исламе, иные авторы и вовсе тиражируют представления о нем как об исламском шахидстве, напрочь игнорируя то обстоятельство что шахидизм и шахидство не тождественные явления и что шахидизм это всего лишь превращенная форма исламского шахидства, его идеологическая и военно-политическая трансформация [11]. И такая акцентуация при рассмотрении исламского мученичества отодвигает на второй план выявление его сути, внутриисламских разногласий в трактовке его истоков и причин, его исторической трансформации вплоть до возникновения превращенных форм исламского мученичества и пр.

В исследованиях феномена «религиозное мученичество» долгое время доминировал подход, условно именуемый эссенциалистским и широко применяемый как в теологии, так и в религиоведении. Определения мученичества, предлагаемые с этих методологических позиций, основываются на христианской традиции объявления мучеником того, кто принес свою жизнь в жертву на алтарь служения религии, кто канонизирован или в иной форме почитаем в этой религии. В качестве примера реализации такого подхода можно привести работу Федосика В.А., Яновской В.В. и Яновского О.А. «Мученичество в раннем христианстве. Очерк исторического восприятия», где авторы на основе анализа проявлений мученичества в раннем христианстве называют мучениками всех тех, кто был подвергнут жестоким преследованиям за приверженность учению Христа, но не отказался от своей веры и принес в жертву религиозным убеждениям собственную жизнь. «В христианской традиции мученики всегда считались христианскими героями, которые на деле ценой своей жизни доказали верность и преданность учению Иисуса Христа, христианским

ценностям. В глазах христиан мученики являлись истинными свидетелями веры, отсюда и сам термин *μάρτυς* (от *μάρτυρέω* – «свидетельствую», «доказываю», «подтверждаю»). Вокруг них формировался ореол святости, их почитали как святых» [8, с. 38]. Жертвенное поведение христианских мучеников в ситуации непростого выбора между смертью и вероотступничеством этими авторами трактуется как следование пути Христа, ведущему к вечной блаженной жизни. Ментальная установка поведения такого верующего трактуется как «отрицание мира», погрязшего в грехах.

В последние десятилетия заявил о себе и другой методологический подход к исследованию религиозного мученичества, который условно обозначается как релятивистский и который предстает попыткой установления неких общих объективных критериев изображения жертвенного поведения верующего именно как проявления мученичества. Реализуя этот подход, А. Дроудж и Д. Тэйбор предлагают следующий набор критериев религиозного мученичества: смерть верующего должна произойти в ситуации угнетения и гонений; решение мученика умереть за веру должно считаться необходимым, благородным и героическим; мученик должен сам стремиться к гибели; его смерть должна принести определенную пользу религии, а сам мученик находиться в ожидании посмертного вознаграждения [14, с. 75].

Г. Галликсон несколько корректирует этот набор, дополняя его следующими критериями: мученик должен осознавать угрожающую его жизни опасность; он должен проявлять готовность, но не стремление к смерти; угроза жизни должна исходить не от самого мученика, а от врагов его веры [15, с. 478–479].

Оба обозначенных методологических подхода имеют как свои специфические изъяны, так и преимущества. И только сочетание познавательных возможностей, заключенных в каждом из них, может привести к адекватному пониманию того, чем же по своей сути и функциональной значимости является религиозное мученичество. Более того, обнаружение глубинной сущности мученического поведения верующего потребует от исследователя скрупулезного анализа догматических оснований мученичества как специфической формы религиозного служения, конкретно-исторических условий его утверждения и распространения, последующих исторических трансформаций, которым оно оказалось подверженным. Но при любом подходе очевидно то, что мученичество в религии занимает одно из значимых мест и рассматривается как неопровержимое доказательство истинности веры, когда личность приносит в жертву собственным религиозным убеждениям как свое социальное положение и благополучие семьи, так и свою жизнь.

Сущность подвига религиозного мученичества в теологии усматривается в том, что своими лишениями и страданиями верующий свидетельствует перед миром истинность догматических установок той конкретной религии, приверженцем которой он является. Именно поэтому все лишения и страдания, воспринимаемые мучеником как предвестники вечной блаженной райской жизни, переносятся им в состоянии радостного ожидания. Для теолога важно и то, что личностью, сознательно вставшей на путь самопожертвования, мученическое состояние не рассматривается как изобретение человека, а воспринимается как дар Божий, которым наделяются лишь избранные верующие. По мнению многих религиозных авторитетов, способными на этот сверхъестественный подвиг оказываются далеко не все верующие, а только те из них, к кому после первых же мук нисходит помощь свыше [6, с. 330]. И только благодаря такой помощи страдания мученика превращаются в свидетельство существования Небесного Царства, в радость открытия перспектив личного пребывания в раю. К тому же и сами страдания мученика трактуются как наиболее достойное средство очищения верующего от грехов и приобщения к вечной

жизни. Таким образом, сущностной особенностью религиозного мученичества в его теологическом понимании предстает жертвенный характер поведения верующего, находящегося в ожидании райского вознаграждения, что и позволяет служителям церкви в совершаемых богослужениях провозглашать мученическое поведение добровольным жертвоприношением.

Все эти характеристики мученичества как специфической формы религиозного служения, проявившиеся уже в первоначальном христианстве, не только приоткрывают завесу над феноменом «религиозное мученичество», но и позволяют объяснить природу культа мученичества, сформировавшегося в этой конкретной религии. Но эти же особенности, слепо и необдуманно переносимые на жертвенное поведение адептов других религий, в частности, мусульман, не столько вскрывают специфику исламского мученичества, сколько подгоняют поведение и образ мышления отдельных мусульман под шаблон, сложившийся в христианской религии. Наше исследование показывает, что в исламе не существует понимание мученичества, тождественное христианскому его представлению, в нем так и не сформировался культ мученичества, аналогичный тому, который утвердился в раннем христианстве.

Объяснением этому может быть то, что христианский культ мученичества сложился в те первые столетия формирования религии Христа, когда она была гонимой и преследуемой. Реальное положение христианства, повсеместные притеснения и лишения, которым подвергались его приверженцы, и обусловили основные особенности христианского понимания мученичества. Это те особенности, которые проявились в смирении и покорности первых христиан, в их пассивном преклонении перед языческой властью, безропотном перенесении всех унижений и преследований и т. д. Ислам же за 10 с небольшим лет прошел период гонений и преследований, аналогичный первоначальному христианскому. За такой короткий исторический промежуток времени в нем не могла сложиться собственная концепция мученичества, утвердиться специфически исламская культовая практика почитания отдельных верующих как мучеников религии, тем более что сразу же после Хиджры ислам трансформировался в наступательную религию, где смирение перед властью многобожников было вытеснено призывами к активному продвижению исламского вероучения, его норм и ценностей, собственно исламской практики богочитания и богослужения.

Предпосылки становления мученичества в исламе

Эпизодические проявления мученичества в исламской религии обнаружили в дохиджринском периоде ее становления, когда первые мусульмане, как и первые христиане, подвергались систематическим преследованиям и унижениям со стороны многобожников. В исламских теологических источниках часто приводится пример жизни и смерти Сумайи бинт Хуббат, ставшей одной из тех первых семи мусульман, которые в условиях гонений и лишений рискнули открыто исповедовать новую религию. За приверженность вере в Единого Аллаха все члены семьи Сумайи много раз подвергались публичным издевательствам. Добиваясь от нее, ее мужа Ясира и сына Аммара отречения от ислама, мекканские язычники регулярно подвергали их жестоким истязаниям, которые они стойко переносили. Но ни лишения, ни издевательства не смогли поколебать убежденности Сумайи в вере, ее непреклонности в покорности Всевышнему. Пророк Мухаммад, который один раз оказался свидетелем того, как язычники глумились над Сумайей и членами ее семьи, будучи не в состоянии помочь им, только утешил их словами: «Будьте терпеливыми, о, семья Ясира! Ваше последнее прибежище Рай!» [5].

Стойкость и упорство Сумайи в приверженности новой вере вывели из себя одного из ее мучителей – Хишама ибн Амра (прозванного Мухаммадом Абу Джахля, т. е. отец невежества), и он в ярости вонзил копьё прямо в ее сердце, от чего она и скончалась. Этот пример терпения, выдержки и стойкости, самопожертвования первой женщины, засвидетельствовавшей своей смертью веру в Единого Аллаха и его Посланника, рассматривается теологами в качестве отправной точки формирования представлений об исламском мученичестве. На примере жертвенного поведения Сумайи как первой мученицы ислама выводятся исходные характеристики этого религиозного феномена, которые в совокупности позволяют понять, кого же можно считать мучеником в этой религии. Во-первых, это такой верующий, который способен в условиях преследований и наказаний проявить непоколебимую стойкость и упорствование в приверженности своей вере; во-вторых, это тот, кто безропотно и терпеливо переносит любые телесные наказания и психологическое воздействие; в-третьих, это тот, кто осознает, что никто не придет ему на помощь и не облегчит его страдания; в-четвертых, это тот, кто отчетливо понимает, что будет лишен жизни врагами веры; в-пятых, это тот, кто пребывает в надежде на посмертное райское вознаграждение за неотступность в вере.

Следующим примером проявления мученичества в исламе считается убийство трех посланцев Мухаммада, которые в целях распространения новой религии среди язычников в 625 году были отправлены из Медины к племени хузайма. В результате предательства сопровождавших их хузаймитов трое из 6 или 10 мусульман были захвачены в плен, остальные – убиты в бою. Сдавшихся в плен мусульман, которым была обещана сохранность жизни, язычники решили отвезти в Мекку и продать жаждающим мести родственникам многобожников, погибших в битве при Бадре. Один из мусульман, осознавая, что мекканцы, недавно потерявшие своих родственников, подвергнут их жестоким истязаниям, попытался бежать и был забит камнями до смерти. Двое других пленников, проданных мекканцам, были изуверски умерщвлены ими. Вокруг этих трех мусульман в последующем и сложились легенды как о первых мучениках ислама.

В последнем примере в контексте нашего исследования заслуживает внимания то, что признанными мучениками оказались вовсе не те мусульмане, которые с оружием в руках пали в сражении с язычниками, а те, кто был захвачен в плен и умерщвлен через побитие камнями, физические истязания, а один – даже через распятие. Павшие в сражении, по всей вероятности, обрели статус шахидов ислама и стали обитателями высшей ступени рая – Фирдаус. Из этого примера допустимо заключить, что мусульмане, которые принимают смерть в бою с оружием в руках, могут обрести особый посмертный статус шахида, но они не предстают мучениками веры. Именно по этой причине невозможно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что в исламе мучеников обозначают термином *shaheed* [8]. В таком представлении усматривается только попытка авторов нивелировать отличия, существующие между шахидами ислама и теми мусульманами, которые оказались обреченными на мученический путь служения вере. Оно основывается на недопустимом отождествлении мученичества с шахидством, которые являются терминами, обозначающими хотя и близкие по смыслу, но далеко не идентичные по своей сути исламские феномены. И действительно, отождествление различных по своей природе исламских явлений неизбежно приводит вышеупомянутых авторов к утверждению о существовании разных категорий мучеников ислама, а именно: «1) погибшие за веру в джихаде; 2) погибшие в иных обстоятельствах (болезни, катастрофы и т. п.)» [8]. Только вот при подобном толковании поведения верующих перед смертью мучениками могут предстать все мусульмане, умершие при самых

различных обстоятельствах, что не просто нивелирует разницу между приверженностью религии и мученичеством, но оказывается искажением сути многих значимых исламских явлений.

Другой аспект рассматриваемой проблемы можно уяснить, решив вопрос о том, стали ли шахидами ислама все те мусульмане, которые в вышеприведенном примере приняли мученическую смерть от многобожников? Скорее всего, нет, т. к. в сражении с язычниками некоторые из них проявили малодушие и сдались врагу в обмен на обещание сохранить им жизни. То, что их подвергнут мучительной смерти, они осознали только тогда, когда хузаймиты направились к Мекке, решив продать пленных мекканским многобожникам. Именно поэтому один из них попытался бежать, но был забит камнями, то есть первым из троих принял мученическую смерть, не имея возможности сражаться во имя веры с оружием в руках и обрести посмертный статус шахида. Другие были подвергнуты не менее жестоким истязаниям и приняли смерть, но уже в условиях, когда даже отказ от своей веры не помог бы им сохранить жизни.

На основании этих двух примеров принятия мученической смерти мусульманами правомерно заключить, что мучеником веры в исламе становится, во-первых, тот, кто в силу сложившихся обстоятельств оказывается в руках врагов веры; во-вторых, тот, кто подвергается самым различным физическим и/или психическим истязаниям; в-третьих, тот, кто понимает, что никто и ничто не спасет его, и он будет умерщвлен; в-четвертых, тот, кто надеется, что будет за все вознагражден в загробном мире. Но эти же особенности поведения первых исламских мучеников не допускают отождествления мученичества с шахидством как самопожертвованием на пути джихада. В противном случае мучениками веры в первую очередь должны были быть объявлены те из посланцев мусульман, которые погибли, сражаясь с врагами с оружием в руках, а не те, кто сложил оружие и сдался на милость победителя. Однако из сказанного вовсе не следует, что смерть на поле боя в сражении с врагами за свою веру не может быть проявлением мученичества. Из него вытекает только то, что путь к шахидству и мученичество в приверженности вере – это хотя и близкие, но все-таки не идентичные формы исламского служения.

Тем не менее, отдельные исследователи нередко называют смерть на поле боя в сражении с врагом мученичеством и тем самым представляют мученическое поведение как проявление шахидства. Яркий пример тому – утверждение С. Чудинова: «Истинно верующий мусульманин, который собственной жизнью и смертью свидетельствует об искренности своей веры и преданности Аллаху и его Божественным Установлениям, признается шахидом, его смерть считается мученической и достойной высших наград от Бога в потусторонней жизни» [9, с. 14]. Но, согласно ортодоксальному исламу, шахиды не являются и не могут быть мучениками религии уже потому, что шахидов нет в земной жизни, а мученичество является исключительно прижизненным уделом отдельных мусульман, на который они оказываются обреченными в сложившихся конкретных обстоятельствах своего земного существования. Именно поэтому многие известные исламские авторитеты всегда отвергали нивелирование различий между шахидством и мученичеством, требовали разведения понятий *шахид* и *мученик*. Здесь достаточно привести мнение известного мусульманского ученого Али Шариати, который вообще считает эти понятия антонимами [10, с. 272–273].

Действительно, не все мусульмане, ставшие шахидами, являются одновременно и мучениками религии, как и не все принявшие мученическую смерть обретают статус шахидов. Шахидство – это исключительно посмертный, а не прижизненный статус мусульманина, тогда как мученичество – это конкретные

испытания, переносимые мусульманином в условиях земного существования. В загробном мусульманском пристанище мученичества нет ни для шахидов, ни для принявших мученическую смерть, так как все они являются обитателями рая, хотя и разных его уровней. И только тот, кто предопределен в ад, в вечном своем существовании подвергается непреходящим мучительным истязаниям.

Несмотря на очевидную несостоятельность сведения мученичества к шахидству, многие авторы подобно Э. Мамхегову продолжают твердить: «Шахидизм по своей сути – это известный всем религиям феномен влечения к мученичеству, возвращенному на протяжении веков» [4, с. 940]. Чего здесь больше, непонимания предмета разговора или преднамеренного искажения исламского феномена? Мы уже писали о том, что шахидизм – это всего лишь результат сознательного выхолащивания из шахидства его религиозной сущности и превращения исламского явления в военно-политический феномен [11]. Но представление шахидизма как влечения к мученичеству – это уже и вовсе грубая вульгаризация значимого исламского феномена. Мученичество – это героическое, стойкое, мужественное перенесение лишений, истязаний, пыток и всего подобного, на которые мусульманин обрекается врагом его веры, в чьих руках по стечению обстоятельств он оказался. А если кого-то в обычной жизненной ситуации влечет к истязаниям или он получает наслаждение от самоистязаний, то это уже из области психического расстройства, а не исламского вероучения.

Другим распространенным заблуждением, вытекающим из недопустимого отождествления мученика с шахидом, является представление мученика ислама как активного деятельного участника Священной войны за веру, которую мусульмане ведут с оружием в руках: «...культ мучеников в исламе изначально оказался связанным с концепцией джихада, которая трактуется как “священная борьба”» [8]. В этом утверждении неприемлемо как представление джихада исключительно Священной войной, так и тесная увязка мученичества с джихадом. Но эти авторы правы в том, что почитание отдельных мусульман как мучеников может сложиться и вокруг тех, кто пал с оружием в руках в борьбе за веру. По крайней мере, последующая эволюция понимания исламского мученичества, особенно в шиизме, подтверждает это. Свидетельство тому – отдельные элементы культа мученичества, сложившиеся вокруг гибели сына Али Хусейна в 680 г.

Некоторые авторы, представляя мучеников джихада как воплощение воли Аллаха, говорят еще и о существовании в исламе учения о том, что мученик джихада может обеспечить место в раю и для своих близких родственников. Такое привнесение в религиозно-философский дискурс терминологического оборота «мученик джихада», подмена им понятия «мученик ислама» – это не только следствие преднамеренного растворения мученичества в шахидизме как превращенной форме исламского феномена, но и целенаправленная вульгаризация исламского понимания джихада, когда читателю навязывается его понимание исключительно как священной войны, которую должны вести мусульмане против всего остального мира [12]. Это показатель той же ущербной логики толкования исламских явлений, что и объявление каждого террориста участником джихада и каждого моджахеда шахидом ислама, притом со ссылками на Божественное предопределение [8]. Подобные экстремистские метаморфозы, независимо от того, осуществляются они предумышленно или же происходят непреднамеренно в силу ущербной логики, имеют результатом одно и то же, а именно – формирование образа ислама как кровавожидной человеконенавистнической религии фанатиков, насильников, убийц.

Да, выбор будущего шахида, согласно исламской ортодоксии, это, безусловно, воля Всевышнего, только мучениками религии верующие становятся в силу

собственного выбора в сложившихся объективных условиях, которые привели их в руки врагов. Но даже в этих обстоятельствах они имеют возможность совершать или не совершать конкретные действия, могущие привести их к мученической гибели. Своим жертвенным поведением и принятием мученической смерти они свидетельствуют личную приверженность вере, прощение всех грехов и надежду на достойное вознаграждение после смерти. Только вот шахидов нет и не может быть в земном существовании, как и нет мучеников в раю. Мученическое существование в вечной жизни уготовлено лишь вероотступникам, лицемерам, многобожникам, всем тем, кто предопределен к пребыванию в аду. Это и есть посмертное мученичество грешников. Как нет мученичества в раю, так нет и шахидства при жизни.

Согласно исламскому вероучению в Небесной скрижали прописаны все перипетии земного существования человека, предопределена его жизнь и посмертная судьба. Творец в силу своей всеблагости и милосердия никого изначально не предопределил к мученическому земному существованию, Он так любит свое творение, что создает для него все необходимые для благостной земной жизни условия. Именно поэтому в Коране нет ни одного стиха, обрекающего мусульманина на мученическое земное существование. Нет в Откровении и каких-либо предупреждений о возможных мученических испытаниях для тех, кто предопределен в рай, тогда как оно содержит сотни аятов, в которых грешники и неверные предупреждаются о всевозможных мучительных наказаниях, ожидающих их в аду.

В качестве чуть ли не единственного аята, где отдельные авторы пытаются обнаружить предопределенность прижизненных мучений для правоверных мусульман, приводится следующий: «И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел, радуясь тому, что даровал им Аллах из Своей милости, и ликуют они о тех, которые еще не присоединились к ним, следуя за ними, что над ними нет страха и не будут они опечалены!» [3, 3:163 (169), 164 (170)]. Но в этом аяте ничто не указывает на предопределенные мученические испытания, нет здесь ничего и о святости мучеников. Здесь говорится лишь о павших в сражении мусульманах, которые смертью засвидетельствовали свою веру, обрели посмертный статус шахида и расположились на высшей ступени рая, имея возможность непосредственного созерцания Творца.

Шахидство отличается от мученичества и тем, что шахид, согласно исламскому вероучению, получает возможность заступиться за 70 своих ближайших родственников, а мученик – нет. Из этого следует, что исламское мученичество – это форма самопожертвования, которая находится ниже уровня шахидства. И такая нетождественность шахидства и мученичества станет еще более очевидной, если вспомнить, что посланцы Мухаммада, признанные в последующем мучениками веры, смалодушничали и сдались на милость врагу в обмен на обещания сохранить им жизнь. Этим они и отличаются от своих спутников, которые приняли смерть в сражении с неверными и обрели статус шахидов ислама.

Таким образом, проявления мученичества даже в раннем исламе не имели отношения к джихаду как призыву к вооруженной борьбе мусульман за распространение своей веры. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые пишут о том, что мученики в исламе приносят в жертву свою жизнь в борьбе с неверными, на благо общины [16]. Мы уже видели, что даже первые мученики ислама не были участниками джихада как сражения с врагами, они были всего лишь мусульманами, которые в силу сложившихся конкретных обстоятельств были лишены возможности активно распространять свою веру, противостоять врагам с оружием в руках и отстаивать свои религиозные убеждения. Поэтому они и

подвергались мучительным истязаниям и были умерщвлены теми, кто испытывал ненависть к их религии.

Культ религиозного мученичества

Культ мученичества, сложившийся в разных религиях, имеет как ряд общих характерных черт, так и отличительных особенностей. Общими в нем являются ритуально организованное почитание мучеников как людей, засвидетельствовавших своей смертью непоколебимую приверженность вере; освобождение мучеников от испытаний в день Страшного суда; посмертное вознаграждение пребыванием в раю. Различия, проявляющиеся в том или ином конкретном культе мученичества, проистекают из особенностей отдельного вероучения и из тех исторических условий, в которых он оформлялся.

Так, формирование христианского культа мученичества было обусловлено как особенностями этого вероучения, так и конкретно-историческими обстоятельствами возникновения и утверждения христианства, условиями жизни и деятельности его основоположника. Христос пришел к погрязшему в грехах миру как спаситель человечества, вся его жизнь от появления на Земле до последних минут сопровождалась тягостными лишениями и мучительными преследованиями. Он добровольно принял страдальческую смерть на кресте, чтобы личным примером пробудить людей к праведной вере. Такова была и судьба многих его последователей, святых мучеников христианства, которые при жизни терпели самые разные лишения, но не отступали от своей веры. К такому мученическому земному существованию они были предопределены Творцом. По примеру жизни и смерти Христа-спасителя, многих его последователей, с воодушевлением переносивших ниспосланные им мучительные наказания, добровольно принявших смерть от рук врагов веры, и сложился раннехристианский культ мученичества, в последующем обставленный рядом общеобязательных правил канонизации мучеников как христианских святых и дополненный детализированным ритуалом поклонения им как заступникам верующих.

Христианский культ мученичества сложился, когда оно было гонимой религией, и первые христиане даже помыслить не могли распространять свою веру путем войн, агрессии, принудительного обращения иноверцев/неверующих в свою религию. Первым христианам, подвергавшимся постоянным преследованиям и лишениям, более значимо было отстоять индивидуальную возможность пассивного исповедования собственной религии. Именно поэтому мученичество в раннем христианстве и предстает исключительно индивидуальным и добровольным выбором верующего, мужественно переносящего все лишения и не отступающего от своей религиозной убежденности ни под каким давлением. Вот эти примеры перенесения мученических испытаний первыми христианами, которых было великое множество в гонимом христианстве, представляемые образцом стойкости в вере и жертвенности во имя Бога, и оказались заложенными в основу христианского культа мученичества как определенной совокупности направляемых церковью ритуальных обрядовых действий, совершаемых верующими в целях почитания тех, кто принес свою жизнь на алтарь религии.

В изменившихся условиях, когда христианство превратилось из гонимой религии в господствующую, каленым железом выжигающую всякое инакомыслие и распространяющуюся огнем и мечом, религиозный культ мученичества стал приобретать новые черты. Он стал дополняться и обогащаться новыми содержательными элементами. Но очевидно, что становление христианского культа мученичества не было связано с войной за веру, он формировался в условиях, когда

поступок каждого христианина был индивидуален и обусловлен гонениями на веру, отступления от которой требовали язычники. Именно этим объясняется и то, что в периоды активного распространения христианской религии, к примеру, во время крестовых походов, даже уже сложившийся культ мученичества нередко оказывался задвинутым на второй план церковных ритуальных действий.

В отличие от христианства в исламе, который прошел фазу гонений на религию менее чем за два десятилетия, не сформировался культ мученичества, подобный христианскому. В нем нет ни процедур канонизации как причисления праведников к лику святых, ни правил беатификации, когда умерших относят к лику блаженных. Основополагающий для ислама принцип таухида (единобожия) не терпит поклонения кому-либо или чему-либо, кроме единого Аллаха, тем более умершему человеку, несмотря на все его возможные заслуги перед мусульманской уммой. В нем нет даже культа поклонения Мухаммаду, подобного поклонению Христу-Спасителю.

Мухаммад видел свою пророческую миссию в призыве к возвращению в религию Аллаха и активно утверждал ее. Мученическое перенесение лишений, терпение унижений и наказаний, пассивное самопожертвование не были приемлемыми для Пророка, который призывал верующих занимать активную жизненную позицию, склонять языческие племена и народы к новой религии. В арсенале одобряемых им средств и методов утверждения веры были как добрые увещевания и обещания загробного воздаяния, так и методы силового принуждения и угрозы вечных мучений в аду. А пассивное мученическое перенесение лишений и истязаний, исходящих от врагов ислама, принималось им как допустимая форма поведения только в особых критических условиях, когда мусульманин был лишен какой-либо возможности активно способствовать утверждению своей религии и лишь ценой собственной жизни мог засвидетельствовать личную веру в единого Бога.

Если в дохиджринский период от мусульман требовались стойкость и упорство в приверженности новой вере во враждебной языческой среде и это не могло не вести к особо уважительному отношению к мусульманам, принявшим мучительную смерть от врагов религии единобожия, то уже сразу же после переселения в Медину Пророка и его сподвижников от мусульман потребовалось упорствование в продвижении новой веры в языческую среду, в обращении многобожников в ислам. В изменившихся условиях пассивная мученическая позиция мусульманина неизбежно должна была быть вытеснена призывами к активному участию в джихаде. Призывы к пассивному терпению и мученическому перенесению всевозможных лишений и унижений должны были смениться воззваниями к активной борьбе за веру и обещаниями посмертного статуса шахида.

Таким образом, отсутствие в исламе сформировавшегося общеобязательного культа мученичества логично вытекает из конкретно-исторических условий, в которых он утверждался. И оно объясняется неприятием Мухаммадом исключительно пассивной индивидуальной жизненной позиции верующего, разновидностью которой и является мученичество. И тем не менее, мученик, который при определенных условиях своей смертью свидетельствует непоколебимую приверженность религии Аллаха, предстает особо почитаемой мусульманами личностью. Мученической смертью он обеспечивает себе место в раю, но не приобретает в загробном пристанище права заступаться за родных и близких, не говоря уже о сторонних людях, не может он и покровительствовать живым людям или каким-либо разновидностям социальной деятельности. Правом заступничества в загробном пристанище наделяются только те мусульмане, которые стали шахидами ислама, которые занимали активную жизненную позицию и своей повседневной деятельностью способствовали укреплению и распространению веры. Здесь мы находим объяснение

тех отличий мученичества от шахидства, которые проливают свет на отсутствие в исламе особых форм почитания умерших мучеников, сделавших свой индивидуальный жизненный выбор. Правда, иногда отдельные толки и секты ислама объявляли некоторых мусульман, активно выступавших за интересы религии и принявших смерть в страшных условиях, мучениками ислама, но это не привело к формированию общепринятого исламского культа мученичества, представления мучеников как святых заступников кого-либо или чего-либо.

Особенностью мусульманского понимания мученичества, отличающей его от христианского, является и то, что христианство, особенно раннее, проповедовало «человеколюбие к гонителям христиан» [8]. Смирение и любовь к гонителям – наиболее яркая особенность раннехристианского понимания мученичества именно как пассивного созерцания враждебных обстоятельств. Ислам же не требует от мусульман «возлюбить врагов своих» и руководствоваться мотивом абстрактного человеколюбия. Место такой любви в нем занимает терпимое отношение к иноверцам и неверующим, не выступающим враждебно по отношению к мусульманам, дополненное призывом сражаться с явными врагами религии и давать отпор тем, кто нападает на мусульман. Ислам наставляет верующего деятельно утверждать ценности своей веры, пассивно терпящий лишения, преследования, принуждения в нем предстает лишь объектом сострадания, сопереживания, сочувствия, но ни в коей мере не объектом подражания или поклонения.

Являются ли террористы-смертники мучениками религии?

Исламское мученичество не превращает жизнь, являющуюся богодарованной высшей ценностью человека, в антиценность, не выдвигает смерть в число адекватных вероучению средств исполнения сокровенных желаний верующего. В Коране неустанно воспеваются преимущества жизни, а не смерти: «И те, которые не призывают с Аллахом другого божества, и не убивают душу, запрещенную Аллахом... А кто творит это, тот встретит воздаяние» [3, 25:68 (68)]. Убийство человеком самого себя, какова бы ни была причина, запрещено в исламе: «...И не убивайте самих себя...» [3, 4:33 (29)]. У Бухари и Муслима есть ряд хадисов, гласящих: «Тот, кто намеренно убьет себя, будет наказан вечным пребыванием в аду». И только смерть от рук врагов религии может стать для мусульманина последним аккордом предначертанной Богом судьбы, который открывает врата загробного пристанища. Но если индивидуальная судьба прерывается в акте самоубийства, то верующий оказывается обреченным на вечные адские испытания, т. е. он становится мучеником ада.

Ислам, который многокрасочно воспевает жизнь и ее преимущества, не признает мучеником веры человека, который в нормальных жизненных условиях добровольно отказывается сам или лишает других самой большой земной ценности, каковой является жизнь. Ислам допускает не стремление, а лишь готовность мусульманина к смерти, но и то исключительно как последнее средство сохранения веры. Исламская ортодоксия признает мучеником религии только такого мусульманина, который даже под угрозой личной смерти не отрекается от своей веры. При этом значимо то, что мученик не желает смерти ни себе, ни своим единоверцам, но он по доброй воле уходит из жизни в таких условиях, когда последним средством сохранения себя в исламской вере оказывается принятие смерти от своих гонителей. Именно поэтому любое принуждение верующего к самопожертвованию, подавление его разума и воли с помощью психотропных средств, НЛП, иных приемов воздействия не способны превратить самоубийцу в мученика ислама.

В исламском вероучении мученичество предстает актом добровольного принесения себя в жертву, что дает возможность отдельным исследователям утверждать, что «если мученическая смерть не добровольна, то это не мученическая смерть» [13, с. 121]. Но здесь важно то, что такой добровольный выбор смерти осуществляется не в нормальных жизненных условиях, а лишь в таких обстоятельствах, когда у верующего нет никаких иных возможностей сохранить себя в своей вере. И этот выбор мусульманина становится свидетельством его непреклонности в вере, что единственно превращает его в глазах единоверцев в мученика ислама.

Итак, мученичество является особым прижизненным психофизическим состоянием убежденно верующей личности, которая оказалась в руках врагов религии, и которая подвергается всевозможным истязаниям и лишениям. От мученичества принципиально отличается состояние суицидально ориентированной личности, которая добровольно или под внешним принуждением выбирает смерть себе и другим. Индивидуальные психические переживания личности, ориентированной на совершение террористического акта, имеют мало общего с переживаниями искренне верующей личности, находящейся в руках врагов его религии. Поэтому самоубийство и предстает не религиозно мотивированным выбором, а кратковременным актом, совершаемым слабovolьной личностью добровольно или принудительно, чаще под воздействием психотропных средств. Даже в том случае, когда смертник осознанно идет на суицидальный поступок, он руководствуется не соображениями укрепления уммы или веры, а военно-политическими установками, внушенными ему вождями – вдохновителями терроризма. И то обстоятельство, что сегодня «пояс шахида» превратился в часть обмундирования боевика террористической организации говорит только о его страхе перед врагами, в чьих руках он может оказаться, перед возможными истязаниями. Пленение боевика может обесценить избранную им самоидентификацию, а самоподрыв воспринимается как единственное средство избежать наказания и пыток.

В суицидальном акте террориста, как бы ему не внушали представление о его поступке как высшей форме служения Богу, нет и не может быть ничего от религиозного мученичества, поэтому самоубийца не может предстать мучеником веры. В этой связи невозможно согласиться с теми авторами, которые как А. Гифранов и С. Сергеев, утверждают, что «террористы, руководствующиеся религиозными принципами, используют те же самые методы террористической деятельности, что и другие. Единственное что отличает их, это культ мученичества. Они не боятся умереть, так как они умирают за благое дело – за свою религию» [2, с. 324]. Чего больше в этой позиции – полного непонимания природы религиозного мученичества, попытки представить мученичество идеологией смертничества, стремления создать вокруг террористов ореол праведных борцов за веру, их героизации и романтизации как рыцарей без страха и упрека?

Серьезные исследователи улавливают разницу между религиозным мученичеством и его превращенными формами, они обращают внимание на то, что не исламское понимание мученичества, а «именно исламистская интерпретация идеала исламского мученичества ложится в основу его глобализированной формы, используемой в террористических целях» [9, с. 88–89]. Но отдельные авторы, которые целенаправленно ищут исламские корни терроризма, говорят о превращенных формах мученичества исключительно как о формах проявления исламского мученичества и тем самым льют воду на мельницу вдохновителей терроризма. Например, В.А. Соснин и Т.А. Нестик, рисуя психологический портрет женщины-смертницы, пишут, что «глубокая психологическая травма делает женщину более

восприимчивой для идеологии «мученичества» [7, с. 38]. Такие авторы забывают или сознательно замалчивают существующие принципиальные различия между исламской религией и политической практикой исламизма. Они ничего не говорят об исламистской интерпретации мученичества как превращенной его форме, которая единственно позволяет им увязывать суицидальное поведение террористов с исламом как «идеологией мученичества».

Попыткой придать мученичеству как религиозному феномену превращенную форму и использовать ее в политических целях, далеких от религиозных ценностей, является распространение различных списков мучеников типа «Святые мученики Двуречья», где предлагаются приукрашенные биографии сотен смертников Аль-Каиды. Тем более что все эти сомнительные личности составителями подобных списков еще при жизни объявляются шахидами ислама, что находится в полном противоречии с исламским пониманием шахидства как посмертного статуса мусульманина.

Суицидальное поведение террористов, как и шахидизм в целом, без широкого отклика в массовом сознании быстро обнаруживает свою полную бессмысленность в плане его представления как формы религиозного служения. Такое поведение лишается религиозного содержания без его театрально-постановочного представления, сопровождаемого тщательной подготовкой сценария, подбора актеров, декораций, реквизита, распределения и исполнения ролей, активного режиссера. А эффектная подача актов самопожертвований в СМИ сопровождается особым вниманием к постановочным деталям. И как результат всего этого, «добровольная» жертва оказывается «кожей барабана, по которому бьют для достижения эффекта, который требуется оказать на широкую аудиторию» [1].

Террорист, нацеленный на совершение самоубийственного акта, находится в состоянии прижизненной и в ожидании посмертной славы, тогда как мученик религии не может перед лицом смерти думать о прижизненной славе, он только надеется на райское вознаграждение. Ему должно быть безразлично, как его воспринимают другие люди, тем более он не стремится произвести на них впечатление. Логика мученического поведения понятна и без показухи, которая характерна для суицидального поведения террориста, для которого важен производимый на единомышленников театральный эффект, требующий информационного сопровождения. И если бы не современные технологии тиражирования самоубийственных актов, то они и не получили бы такого широкого распространения, которое мы сегодня наблюдаем.

Таким образом, в стремлении добиться своих военно-политических целей вожди-вдохновители терроризма придают многим религиозным феноменам превращенные формы, которые позволяют им представлять суицидальное поведение отдельных верующих как участие в джихаде, путь к шахидству или мученичество в вере. Загипнотизировав слабых верующих информацией, лишаящей религиозные феномены их подлинного смысла, они подают им надежды на райское вознаграждение и толкают их на самоубийственные акты, социально делегитимирующие их религию.

Заключение

Религиозное мученичество является особенной формой религиозного служения, проявляющейся в жертвенном характере поведения верующей личности, находящейся в ожидании райского вознаграждения за стойкое и безропотное перенесение всех лишений, которые она терпит от врагов своей веры. Мученичество

предстает индивидуальной позицией верующего, оказавшегося в конкретных жизненных условиях, угрожающих ему смертью, но, при этом важно то, что это не желание смерти себе или другим, а напротив, жгучее желание жить, но жить со своей верой, убеждениями, ценностями. А если такое невозможно, то это и готовность принять смерть от рук врага, но остаться в своей вере. И этим мученик принципиально отличается от деятельного проводника религии, который всеми помыслами и поступками расширяет пространство своей религии и укрепляет веру в себе и других. Мученическое состояние воспринимается верующим как дар Божий, очищающий его от всех грехов, которым наделяются лишь избранные и благодаря которому все его страдания превращаются в свидетельство существования Небесного Царства и радость открытия перспектив личного пребывания в раю.

Сложившийся в разных религиях культ мученичества имеет ряд общих черт: мученичество как свидетельство веры, избавление мучеников от Страшного Суда, воздаяние райскими благами и пр. Но это не отрицает наличия межконфессиональных расхождений в понимании культа мученичества как совокупности ритуальных процедур и действий, нацеленных на возведение отдельных верующих в ранг святых или блаженных, на организацию поклонения им как святым заступникам людей, народов, государств или определенных видов профессиональной деятельности.

Об особенностях исламского понимания мученичества мы говорили выше.

Для него значимо то, что оно не было связано с джихадом как вооруженной борьбой за веру. Мученичество в исламе утвердилось исключительно как пассивное проявление индивидуальной приверженности искренне верующей личности своей вере. Оно отличается от шахидства тем, что является характеристикой прижизненного бытия верующего, так как мученик – это конкретный человек, который в сложившихся объективных обстоятельствах перед лицом врага проявляет стойкость и непоколебимость, готовность ради веры в Аллаха терпеть все невзгоды и лишения и даже пожертвовать жизнью. Иначе говоря, мученичество – это статус, которым мусульманин наделяется его единоверцами, в то время как шахидство – это посмертный статус мусульманина, павшего при определенных обстоятельствах, чья смерть оказывается свидетельством веры, способствующим укреплению мусульманской уммы, ее веры в Единого Бога. В отличие от мученичества, статусом шахида мусульманин может быть наделен только Творцом и только в загробном пристанище.

Литература

1. *Вайнманн Г.* Терракт как «театральная постановка» на сцене СМИ // *Террористическая ментальность: контрмеры.* EJournalUSA. Электронный журнал Госдепартамента США. 2007. Май.
2. *Гирфанов А.Р., Сергеев С.А.* Терроризм в современной России: причины возникновения и способы противодействия // *Вестник Казанского технологического университета.* 2014. Т. 17, № 17. – С. 322–326.
3. *Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского.* – 2-е изд. – М.: Наука, 1986.
4. *Мамхегов Э.З.* Терроризм и ислам: общественные явления современного мира // *Bulletin of Medical Internet Conferences.* 2016. Vol. 6, iss. 5. – P. 940.
5. *Первая женщина-мученица в исламе* // *Islam.kz.* – Режим доступа: <https://qqq.islam.kz/kk/post/pervaya-jenshina-muchenitsa-v-islame-3642/#gsc.tab=0>
6. *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Аскетическая проповедь: собрание творений. Т. 4. – М.: Правило веры, 1993.

7. *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
8. *Федосик В.А., Яновская В.В., Яновский О.А.* Мученичество в раннем христианстве. Очерк исторического восприятия // Сайт «Азбука веры». – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/muchenichestvo-v-rannem-hristianstve-ocherk-istoricheskogo-voSPIrijatija/
9. *Чудинов С.И.* Терроризм смертников: проблемы научно-философского осмысления (на материале радикального ислама). – М.: Флинта, Наука, 2010. – 312 с.
10. *Шариати Али.* Джихад и шахадат // Исламская интеллектуальная инициатива / под ред. Г. Джемаля. – М., 2005.
11. *Яхьяев М.Я.* Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире // *Исламоведение*. 2021. Т. 13, № 2. – С. 19–33.
12. *Яхьяев М.Я., Яхьяев А.М.* Феномен джихада в исламе // *Исламоведение*. 2020. Т. 11, № 4. – С. 5–15.
13. *Boyarin D.* Dying for God: Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. – Stanford, 1999.
14. *Droge A., Tabor J.* A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. – San Francisco: Harper, 1992.
15. *Gullickson Gay L.* Emily Wilding Davison: Secular Martyr // *Social Research*. 2008. Vol. 75, no. 2.
16. *Pipes D.* In the Path of God. – New Brunswick, New Jersey, 2002.

References

1. Weinmann G. Terrorist attack as a theatrical production on the media stage // *Terrorist mentality: countermeasures. EJournalUSA. Electronic Journal of the US Department of State*. 2007. May. (in Russian)
2. Girfanov A.R., Sergeev S.A. Terrorism in modern Russia: causes and methods of counteraction. *Bulletin of the Kazan Technological University*. 2014. Vol. 17, no. 17. – Pp. 322–326. (in Russian)
3. *Quran*. Translation and commentary by I.Yu. Krachkovsky. Ed. 2. – Moscow: Science, 1986. (in Russian)
4. Mamkhegov E.Z. Terrorism and Islam: social phenomena of the modern world. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 2016. Vol. 6, iss. 5. – Pp. 940. (in Russian)
5. The first female martyr in Islam. *Islam.kz*. Access mode: <https://qqq.islam.kz/kk/post/pervaya-jenshina-muchenitsa-v-islame-3642/#gsc.tab=0> (in Russian)
6. Ignatius (Bryanchaninov), St. About miracles and signs: a conversation on Monday of the twenty-ninth week. *Creations*. V. 4: Ascetic preaching. Repr. play ed. 1886 (St. Petersburg). – Moscow: Rule of Faith, 1993. (in Russian)
7. Sosnin V.A., Nestik T.A. *Modern terrorism: socio-psychological analysis*. – Moscow. Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2008. – 240 p. (in Russian)
8. Fedosik V.A., Yanovskaya V.V., Yanovsky O.A. Martyrdom in early Christianity. Essay on historical perception. *Website "ABC of Faith"*. Access mode: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/muchenichestvo-v-rannem-hristianstve-ocherk-istoricheskogo-voSPIrijatija/ (in Russian)

9. Chudinov S.I. Suicide terrorism: problems of scientific and philosophical understanding (based on radical Islam). – Moscow: Flinta, Nauka, 2010. – 312 p. (in Russian)
10. Shariati Ali. Jihad and Shahadat // *Islamic Intellectual Initiative* / Ed. G. Dzhemal. – Moscow, 2005. (in Russian)
11. Yakhyaev M.Ya. Shahidism in Islam and Shahidism in the Modern World // *Islamovedenie*. 2021. Vol. 13, no. 2. – Pp. 19–33. (in Russian)
12. Yakhyaev M.Ya., Yakhyaev A.M. The Phenomenon of Jihad in Islam // *Islamjvedenie*. 2020. V. 11, no. 4. – Pp. 5–15. (in Russian)
13. Boyarin D. *Dying for God: Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism*. – Stanford, 1999.
14. Droge A., Tabor J. *A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity*. – San Francisco: Harper, 1992.
15. Gullickson Gay L. Emily Wilding Davison: Secular Martyr // *Social Research*, 2008. Vol. 75, no. 2.
16. Pipes D. *In the Path of God*. – New Brunswick, New Jersey, 2002.